

М.А. Корниенко

МОЛЧАНИЕ КАК ДИСКУРС СМЫСЛА

Представлены слушание и молчание как модусы речи. Рассмотрено функциональное различие «тишины» и «молчания»; показано, что событийность может быть основой молчания. Молчание представлено как инобытие речи. Описаны возможности молчания как паузы. Определена роль молчания как инструмента конституирования смысла.

Ключевые слова: молчание; тишина; речь; событийность; молчание как пауза; конституирование смысла; инобытие речи; слышимое молчание; значимое молчание; значимая пустота.

В «Работах и размышлениях разных лет», говоря о той роли, которую играет в речи феномен молчания, М. Хайдеггер писал о том, что язык имеет свое основание внутри молчания; само же молчание для языка является самым скрытым вымериванием меры – молчание блюдет меру и одновременно впервые задает ее.

Слушание и молчание представлены в «Бытии и времени» в качестве двух сущностных модусов речи: «Чтобы уметь молчать, – пишет М. Хайдеггер, – у здесьбытия (Dasein) должно быть что сказать, иначе говоря, оно должно располагать настоящей и богатой раскрытостью самого себя. Тогда-то скупость на слова, молчаливость, преображает в очевидное, а “болтовня” убивает. Молчаливость как модус речения с такой изначальностью членораздельно выражает понятность здесьбытия, что от нее берет начало и может-ствование слушать, и провидящее совместно бытие» [1. С. 28].

Этимологически термин «молчать» употреблялся в значении «сохранять, держать что-либо в тайне», что находило выражение в проявлении молчания в фольклорно-этнографическом контексте посредством такого явления, как молчание загадки (загадка не существует без разгадки, загадка всегда содержит молчание, паузу, разгадка же всегда «снимает» эту паузу и, как пишет К.А. Богданов [2. С. 176] посредством разгадки налагается вето на виртуальную бесконечность трансформационного круга (молчание реализует идею трансформации). В череде исследуемых М. Фасмером [3] этимологических вариаций – лит. «отмирать», греч. «оцепенение от холода», «цепенею от холода», алб. «сдерживаю дыхание». В словаре В. Даля обозначена связь с диалектическим «молка» – показание (молчание указывает на нечто значимое), донос, поклев. В сербохорватском языке «молчать» означает «сохранять, держать в тайне», «мука, мукло, мукла» – «немой», «скрывающийся», «тайный» – это значение оказывается отнесенным и к тексту, вчитываемость в который не имеет предела. Таковы магические тексты. Исследователи пишут о явлении, когда текст оказывает действие сам по себе благодаря лишь формальной актуализации; его невозможно прочесть до конца, невозможно и исчерпывающая переводимость подобных текстов.

О содержательной глубине термина «молчание» говорят, в частности, следующие эпитеты, помещенные в Словаре эпитетов русского литературного языка К.С. Горбачевич и Е.П. Хабло [4. С. 248–249]: молчание может быть охарактеризовано такими эпитета-

ми, как величественное, внимательное, глубокое, глухое, гнетущее, гордое, гробовое, грозное, грозное, давящее, доброе, долгое, жуткое, задумчивое, затруднительное, затянувшееся, ироническое, испуганное, красноречивое, кроткое, ледяное, мертвое, минутное, мрачное, оцепенелое, полное, почтительное, презрительное, продолжительное, равнодушное, святое, скучное, сосредоточенное, строгое, суровое, томительное, томное, торжественное, трудное, трусливое, тягостное, тяжелое, угрюмое, удивленное, унылое, упорное, хладное, хмурое, холодное, чинное, чопорное, щемящее, едкое, зевотное, иступленное, скитское, сладострастное, безграничное, бездонное, благоговейное, величавое, загадочное, застойное, зловещее, ленивое, могильное, немое, покойное, сонливое, сонное, спокойное, таинственное, тихое, каменное. Этот ряд эпитетов, усиливающих невыразимость, невысказанность молчания, может быть продолжен. Так, у Ж.-Б. Дюбо (в письме Кассиодора Симмаку, префекту Рима) встречается термин «громогласное молчание», когда речь идет об искусстве пантомимы: «...у танцоров красноречивые руки, болтливые пальцы, громогласное молчание, молчаливое повествование; избрала его, по преданию, муза Полигимния, показав, что люди могут и без единого вздоха уст своих объяснить все, что пожелают» [5. С. 660]. О «звучащем молчании» говорит и сама Полигимния: «Я молчу, озвучивая чарующее движение руки, призывая знаком звучащее молчание» [6. С. 23].

Наконец, о «выжидательном молчании», предшествующем разговору Оли Мещерской, пишет И. Бунин в «Легком дыхании»: «Она посмотрела на молодого царя, во весь рост написанного среди какой-то блистательной залы, на ровный пробор в молочных, аккуратно гофрированных волосах начальницы, и выжидательно молчала» [7. С. 330]. И этот образный ряд бесконечен, как бесконечна и череда эпитетов, раскрывающих содержательную глубину понятия «тишина»: тишина «молчит» у Л. Андреева, звучит у А. Блока («Ты отходишь в сумрак алый»); о «звонкозвучной» тишине пишет В. Брюсов, об особой тишине пустой церкви в «Чистом понедельник» пишет И.А. Бунин: в четырнадцатом году, под Новый год, в тихий солнечный вечер «...зашел в пустой Архангельский собор, долго стоял, не молясь, в его сумраке, глядя на слабое мерцанье старого золота иконостаса и надмогильных плит московских царей, – стоял, точно ожидая чего-то, в той особой тишине пустой церкви, когда боишься вздохнуть в ней» [7. С. 487–488].

Сравним функциональное различие использования И.А. Буниним терминов «тишина» и «молчание». «Тишина» создает настрой, атмосферу («в ночное тепло и тишину квартиры», «склонилась ко мне, тихо и ровно говоря», «метели уже не было, все было спокойно и тихо»), в то время как «молчание» всегда событийно. Посредством обращения к словам «тишина», «тихо» у А.С. Пушкина в «Дубровском» передана атмосфера лунной июльской ночи («Луна сияла, июльская ночь была тиха, изредка подымался ветерок, и легкий шорох пробегал по всему саду»), использование же слов «молчание», «безмолвие» в «Дубровском» всегда событийно («Он долго молчал, потупя голову», «безмолвное согласие Маши»).

Язык действительно имеет свое основание внутри молчания, «скрытого вымеривания меры» – молчание слышимо потому, что оно – говорящее. В литературе это свойство молчания используется как художественный прием.

В рассказе Л. Андреева «Молчание» молчание дочери отца Игнатия Веры порождает ощущение бессилия перед чем-то неумолимым. Молчание постепенно заполняет пространство повествования. Оно присутствует, когда отец Игнатий просит дочь рассказать о своем горе: «И мне, думаешь, легко? Как будто не вижу я, что поедает тебя какое-то горе... а какое? И я, твой отец, не знаю его. Разве должно так быть? Но Вера молчала». Тема молчания обретает дополнительную глубину после самоубийства дочери: «Со дня похорон в маленьком домике наступило молчание. Это не была тишина, потому что тишина – лишь отсутствие звуков, а это было молчание, когда те, кто молчит, казалось, могли бы говорить, но не хотят» [8. С. 13]. После смерти дочери в одну из ночей, лунную, тихую, темную и беззвучную, отец Игнатий поднялся по лестнице и вошел в комнату Веры:

«Волосы отца Игнатия встряхнулись.

– Скажи!

Отец Игнатий впился глазами в стену и протянул руки.

– Скажи!

В комнате было тихо, из глубокой дали пронесся продолжительный и прерывистый свисток паровоза.

...

И ответом ему было молчание»

[8. С. 15].

К концу рассказа постепенно развивается тема слышимого молчания: «И с ужасом почувствовал отец Игнатий, что в ухо его вливается что-то могильно-холодное и студит мозг и что Вера говорит, – но говорит она все тем же долгим молчанием. Все тревожнее и страшнее становится оно, и когда отец Игнатий с усилием отдирает от земли голову, бледную, как у мертвеца, ему кажется, что весь воздух дрожит и трепещет от гулкого молчания» [8. С. 16].

В литературе молчание как сфера неназванного всегда сосуществует с зоной речи. На этом тезисе строит анализ взаимодействия речи и молчания в произведениях А.С. Пушкина М.Н. Виротайнен [9]. С помощью молчания осуществляется уход из речи; речь и молчание представлены как разведенные, и эта разведенность позволяет нарастить значимость и речи, и самого молчания, придать молчанию статус и значение инобытия речи. В литературном тексте мол-

чанием обозначено не отсутствие – с помощью молчания обозначена граница отношения речь-молчание, это тот порог и предел, который, являясь «уходом из речи», требует «преодоления в речи» [9. С. 8]. Молчание («значимое молчание») так же, как и речь, принимает участие в построении культурного целого произведения. При этом отношение речи и молчания, их взаимодействие не являются постоянными, неизменными величинами; это взаимодействие событийно, однако эта особенность проявляет себя не всегда – характер перехода, преодоления «порога» неназываемого может быть и бессобытийным. В стихотворении А.С. Пушкина 1833 г. «Осень» описана ситуация преодоления зоны, порога неназываемого – пауза является тем приемом, что предшествует творческому акту; пауза – событийная пауза, – в ней соединены состояния до и после той минуты, начиная с которой свободно и плавно возникают стихи. Единая стихия творчества антиномична, она разделена паузой как границей, которую, чтобы обнаружить себя в этой стихии, нужно перейти, и этот переход у А.С. Пушкина отмечен особым ритмическим своеобразием. В паузе, пространстве которой воплощает границу отношения речь-молчание, оказывается воплощенной и молчаливая минута ожидания чуда творчества:

И забываю мир – и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне

.....
И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут

[10. С. 265].

В тексте «Евгения Онегина» молчание использовано А.С. Пушкиным для создания специфической художественной структуры, что позволило, к примеру, Ю.Н. Чумакову в статье «Поэтическое и универсальное в “Евгении Онегине”» выразить гипотезу о том, как специфическая форма использования приема молчания «работает» на создание специфической художественной структуры, – она позволяет говорить о романе как написанном стихами, прозой и значимой пустотой [11. С. 63].

В теории литературы используется конструкт «зона молчания». В поэзии подчас зоны молчания приобретают такую форму, как пробелы в стихах. Деталь эта тонко отмечена в работах, посвященных жанровой структуре поэзии А.С. Пушкина. Являясь по своему функциональному замыслу тождественными звучащим поэтическим строфам, они приобретают значение молчащих строф. В «Евгении Онегине» эти строфы имеют цифровое обозначение – Ю.Н. Тынянов назвал их поэтическими эквивалентами текста. Формой проявления молчания выступает незаконченность проговариваемого – эта незавершенность, незаконченность находит выражение посредством обращения к многоточию. О распаханности пределов текста в мир пишет о многоточии как знаке этой распаханности М. Виротайнен. Автор полагает, что границы текста оказываются открытыми миру и в эмпирическом, и в трансцендентном измерении, хотя в случае, если многоточием выделен фрагмент текста, этот фрагмент

превращен автором в лауну речи, в зону молчания. Пушкинское многоточие охарактеризовано автором как включающее это значение, однако в случае, когда многоточие отнесено к строфе, границы этого фрагмента утрачивают разомкнутость: «...перед нами строго ограниченная внутритекстовая лауна речи, зона молчания» [9. С. 441], А.С. Пушкиным подчеркнута граница строфы-фрагмента, событийный смысл перехода.

Повествуя о несказанном, о том непередаваемом, что, казалось бы, нельзя выразить, обратившись к слову, само молчание заключает в себе потенциальный парадокс – мы замечаем его в поэзии тех, кто пишет о молчании. Молчание имеет язык, и об этом языке говорят те, кто ведет рассказ о молчании: это парадокс отношения говорящего молчания и того, кто рассказывает об этом говорящем молчании. Посредством обращения к возможностям этого парадокса и зона молчания, и речь предстают как предельно значимые и предельно выразимые. Таковы строки А. Блока в стихотворении «Ты отходишь в сумрак алый...».

Динамическая структура речи расширяется за счет паузного молчания, паузной прерывистости, выступающей в функции содержательного заполнителя речи. В литературе речь идет об интертекстуальном заполнителе, который связывает текстовый и ведущий с ним диалог внетекстовый дискурс (интересные гипотезы на этот счет находим в работах М.М. Бахтина [12] и К.А. Богданова [2]). Пауза или «пробел», пишет, к примеру, К.А. Богданов, одновременно выполняют двойную роль по отношению к тексту: ими обозначен разрыв текста и одновременно – открытость и прозрачность: «“Пробеленный” текст артикулируется в неопределенности “внешних” к нему голосов, обратных монологов – от иных читателей и иных авторов» [2. С. 77].

На интересную деталь в этом смысле обращает внимание К.А. Свасьян, относящий паузы, межсловесные промежутки к тому, посредством чего реализует себя как идея взаимодействия вербального и невербального в тексте, так и логика обнаружения и дополнения смысла; паузная недосказанность, недоговоренность – необходимое условие поэзии: «...чем ярче слова, тем озаренней выхватываются из мрака эти промежутки, тем сильнее выражаются они в наших переживаниях» [13. С. 20].

Паузе, предшествующей ответу, отведена огромная роль в фольклорной культуре, к примеру, это один из центральных элементов загадки: предшествующая ответу пауза содержит в себе элемент молчания. Посредством обращения к паузе в загадке осуществляется не только семантическая объективация, но и проявляет себя субъективный выбор. Эффект разгадки и возникает в ходе субъект-объектной трансформации, реализуемой за счет паузы, и молчание хранит в себе потенциал субъект-объектной трансформации. В ходе разгадки происходит «снятие» паузы, что завершает череду семантических превращений. Пауза, возникшая в результате загадки, формирует пространственно-временной континуум, в котором осуществляется семантическая трансформация, ведущая к разгадке.

Литературный текст хранит в себе смысловое назначение молчания, передаваемого посредством пауз. На

смысловую нагруженность, роль так называемого паузного молчания обращали внимание структуралисты. М. Бахтин писал о том, что пауза всегда коррелирует с интонацией произведения, через интонацию и то молчание, которым текст организован, текст обретает «множественность диалогического развертывания»; молчание формирует смысловую многозначность текста. За словом говорящего всегда находится слушающий, он скрыт за той частью диалога, которая звучит, при этом слушающий инкорпорирован в единое разноголосое звучание текста. Именно в чтении молчание способно текст регенерировать. М.М. Бахтин, как и структуралисты, видел в молчании тот интертекстуальный «заполнитель» (термин К.А. Богданова), посредством которого связаны текстовой и находящийся с ним в диалоге («внетекстовой») дискурсы. Недосказанное, как прием художественной литературы, часто принимает форму смыслов, не проговоренных до конца, что связано с работой воображения.

Молчание, полагает К.А. Свасьян, наделено логикой «смыслообнаружения» и «смыслодополнения». К примеру, поэзия заключена не в словах, но «в межсловесных промежутках», в паузах. На этом основывается утверждение К.А. Свасьяна: «...чем ярче слова, тем озаренней выхватываются из мрака эти промежутки, тем сильнее выражаются они в наших переживаниях» [13. С. 20], слова «суть светильники, озаряющие межсловесное пространство невыразимого», условие поэзии, но не сама поэзия.

В молчании сфера неназываемого наполнена глубоким смыслом – не случайно введение терминов «смыслообнаружение» и «смыслодополнение» для того, что невыразимо в словах. У пифагорейцев существовал обычай молчать, входя в дом. Подобный обычай существовал позднее и у крестьян Германии. В России до сих пор традиционным считается помолчать, отправляясь в дорогу. В протестантских церквях одна дверь постоянно открыта для совершающих обряд безмолвных молитв. Стоит отметить таинственный и опасный характер спрашивающего и отвечающего в ритуальных практиках святочного, похоронного и свадебного обрядов (до сих пор в ряде языков глагол «молчать» употребляется в значении «сохранять», «держат что-либо в тайне»). В фольклоре и памятниках литературы смерть зачастую тождественна молчанию, молчание ассоциируется со смертью, обретая в процессе оформления этой ассоциативной связи «язык»; обретая язык, молчание становится слышимым в рассказе Л. Андреева «Молчание», – охватывая все в доме отца Игнатия, через это обретенное молчание становится звучащим, осязаемым, слышимым. Подробнее остановимся на этой особенности молчания. В рассказе постепенно создается напряженная и драматичная атмосфера молчащего дома: на вопрос отца отвечает упорным молчанием Вера, «сдавлена» молчащими людьми ее мать, всегда любившая шутку и смех. Во время похорон в молчащей церкви, на колокольне перезванивали колокола, глаза умирающей от горя матери «были немые, молчали тяжело, упорно... уста были немые, молчали и глаза»; в гостиной, чистой и прибранной, были одеты белыми чехлами, точно мертвецы в саванах, высокие кресла, а

проволочная клетка была пуста и дверца ее была открыта, в нее словно вылетела душа дочери, которой больше нет. В комнатах после похорон дочери было тихо. Дом молчал, но это было слышимое молчание – молчание, словно обретающее язык: «Со дня похорон в маленьком домике наступило молчание. Это не была тишина, потому что тишина – лишь отсутствие звуков, а это было молчание, когда те, кто молчит, казалось, могли бы говорить, но не хотят» [8. С. 13].

Определяя событие молчания, анализируя потенциал порога преодоления в сфере неназываемого, обратим внимание на своего рода зазор, содержащийся в сопоставлении терминов «тишина» и «молчание»; этот зазор мог обнаруживать себя в момент, когда мы пытаемся выстроить нетрадиционный ряд рефлексирования. Молчание и тишина – интересную и тонкую интерпретацию их различия выстраивает К.А. Богданов, когда пишет о ситуации, в которой отождествление молчания со смертью рефлексивно неоднозначно, и это проистекает оттого, что рефлексивная неоднозначность характеризует и то, как смерть воспринимается. Автор видит в смерти парадокс: отрицая жизнь, смерть является фактом жизни. Завершая земную жизнь, умершие приходят к существованию, в котором иное качество, иная глубина, иной слух и иной голос; в этом существовании нет тишины как просто отсутствия звуков, но есть молчание – и здесь иной слух и иной голос, наполненные иным смыслом.

М.М. Бахтину принадлежит тезис о том, что молчание возможно лишь в человеческом мире, в мире без человека есть только тишина [12. С. 338]. Так ли

это? Можно ли говорить о «субъектной наполненности» тишины? Включен ли в тишину человек? О надуманности невключенности человека в тишину пишет К.А. Богданов, который аргументирует свою позицию, не только обращаясь к западноевропейским языкам, где «молчание» является омонимом «тишины» (англ., фр. *silence*, исп. *silencio*, итал. *silenzio*). Знак антропологического содержания, полагает К.А. Богданов, совпадает со значением натурально физического ряда, «молчание» превосходит человека, распространяется за счет феноменологии: «...“невключенность” человека в тишину мнима... тишина антропологична и слита со стоящим за ним языковым содержанием» [2. С. 27]. И различие, как мы полагаем, тишины и молчания обусловлено не столько степенью субъектности применения, но скорее особенностями грамматики и контекстов употребления (к примеру, в русском языке нет глагольных форм (но есть редкая неопределенная форма «утишить») от существительного «тишина», ср. с английским вариантом «he is silent» – «он молчит»). Последнее, на наш взгляд, аргументирует тезис о не меньшей (в сравнении с «молчанием») степени антропологичности и соединенности с языковым контекстом тишины в процессах оценки коммуникативного применения этого слова.

Если говорить о наполненности, содержательности текста, то литературный текст всегда о чем-то молчит. Но о чем он молчит? Можно ли услышать молчание как то несказанное, через которое молчание словно стремится перейти в слово?

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М. : Гнозис, 1993. 464 с.
2. Богданов К.А. Очерки по антропологии молчания: Homo Tacens. СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1998. 352 с.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 4-е изд., стереотип. : в 4 т. М. : Астрель: Аст, 2003. Т. 2. 671 с.
4. Горбачевич К.С., Хаблю Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л. : Наука, 1979. 567 с.
5. Дюбо Ж.-Б. Критические размышления о поэзии и живописи. М., 1976. 766 с.
6. Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб. : АЛТЕИЯ, 1995. 328 с.
7. Бунин И.А. Избранное. М. : Художественная литература, 1970. 494 с.
8. Андреев Л.Н. Молчание : сб. рассказов. СПб. : Азбука, 2018. 512 с.
9. Виролайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб. : Пальмира, 2016. 502 с.
10. Пушкин А.С. Осень // Стихотворения (1827–1836). Полное собрание сочинений. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. 557 с.
11. Чумаков Ю.Н. Поэтическое и универсальное в «Евгении Онегине» // Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999. 432 с.
12. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.
13. Голоса безмолвия. Ереван : Советакан грох, 1984. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 15 декабря 2019 г.

Silence as a Discourse of Meaning

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 67–71.

DOI: 10.17223/15617793/454/8

Mikhail A. Kornienko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mkornienko1@gmail.com

Keywords: silence; speech; eventfulness; silence as pause; constitution of meaning; otherness of speech; audible silence; meaningful silence; meaningful emptiness.

In the article, the logic of the research is focused on Martin Heidegger's thesis that language has its basis in silence; silence for language is a hidden "measuring" of the measure, it protects the measure and sets it at the same time. Listening and silence are the two essential modes of speech. The etymological variations of the term "silence" are given. Through the system of epithets presented in the article, the conceptual depth of the term "silence" is indicated, the idea of the functional distinction used in the literary context of the concepts "silence" and "stillness" is expressed. The thesis about the eventful character of "silence" is revealed. The theme of the speaker—hearable silence—as an artistic device is touched upon: silence as the sphere of the unnamed always coexists in a literary text with the speech zone. Through silence, the leaving from speech is accomplished; a semantic distinction of speech and silence is a means of increasing the significance of speech and silence. In this case, in the text, silence, as shown, acquires the status and significance of the otherness of speech: this is the threshold and limit, which, being the "leaving from speech", necessarily requires overcoming in speech. The article claims that it is in the space of the pause that the boundary of the speech-silence relationship de-

notes itself. In literature, a special form of using the technique of silence (“significant emptiness”) allows creating a specific artistic structure. By using the pause, the threshold of the unnamed, the “significant emptiness” is overcome; through the pause, the idea of the interaction of the verbal and the non-verbal in the text, the logic of detection, addition and growth of meaning are realized. Pause silence is a meaningful, intertextual speech filler that connects textual and non-textual discourses. The article outlines the idea of a potential paradox of silence. This paradox consists in the following phenomenon: silence has a language and those telling the story of silence speak about this language. This is a paradox of the relationship of the speaking silence and the story of this silence. Denoting the role of silence in the context of speech, the author reveals the thesis about the existential significance of silence: it is a way of relating to meaning, approaching the boundaries of possible experience, the non-verbal non-recourse form of experience in which silence, being a mode of non-verbal experience, is located next to language. As for approaching the boundaries of possible experience, this approach is due to the transcendental energy of silence. In the final part of the article, the author disputes the thesis about the “non-inclusion” of a person in stillness. Revealing the anthropological nature of stillness, the author writes about the cohesion of stillness and the linguistic content in which the phenomenon of stillness is placed. The article shows that the difference between stillness and silence is due to the degree of the subjectivity of the application, the characteristics of the grammar used and the context of use.

REFERENCES

1. Heidegger, M. (1993) *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and Reflections of Different Years]. Translated from German by A.V. Mikhaylov. Moscow: Gnozis.
2. Bogdanov, K.A. (1998) *Ocherki po antropologii molchaniya: Homo Tacens* [Essays on the Anthropology of Silence: Homo Tacens]. St. Petersburg: Russian Christian Institute of Humanities.
3. Vasmer, M. (2003) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German. 4th ed. Vol. 2. Moscow: Astrel': Ast.
4. Gorbachevich, K.S. & Khablo, E.P. (1979) *Slovar' epitetoov russkogo literaturnogo yazyka* [The Dictionary of Epithets of the Russian Standard Language]. Leningrad: Nauka.
5. Dubos, J.-B. (1976) *Kriticheskie razmyshleniya o poezii i zhivopisi* [Critical Reflections on Poetry, Painting, and Music]. Translated from French by Yu.N. Stefanov. Moscow: Iskusstvo.
6. Gertsman, E.V. (1995) *Muzyka Drevney Gretsii i Rima* [Music of Ancient Greece and Rome]. St. Petersburg: Aleteyya.
7. Bunin, I.A. (1970) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
8. Andreev, L.N. (2018) *Molchanie: sb. rasskazov* [Silence: Stories]. St. Petersburg: Azbuka.
9. Virolaynen, M.N. (2016) *Rech' i molchanie: Syuzhety i mify russkoy slovesnosti* [Speech and Silence: Plots and Myths of Russian Literature]. St. Petersburg: Pal'mira.
10. Pushkin, A.S. (1957) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 3. Moscow: USSR AS.
11. Chumakov, Yu.N. (1999) *Stikhotvornaya poetika Pushkina* [Pushkin's Poetry of Verses]. St. Petersburg: Gosudarstvennyy Pushkinskiy teatral'nyy tsentr v Sankt-Peterburge.
12. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo.
13. Svas'yan, K.A. (1984) *Golosa bezmolviya* [The Voices of Silence]. Erevan: Sovetakan grokh.

Received: 15 December 2019